

МИФ. СИМВОЛ

Л. Цуй¹

Санкт-Петербургский государственный университет

ХАРБИНСКИЙ МИФ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-1940-Х ГГ.

Статья посвящена рассмотрению харбинского мифа как текста культуры в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920-1940-х гг. Рассматривается творчество таких малоизученных поэтов, как А. Несмелов (А. И. Митропольский), Н. Светлов (Н. Свиньин), А. Паркау, А. Ачаир (Грызов), М. Шмейссер и другие. В процессе анализа обозначена роль петербургского мифа как метатекста в представлениях эмигрантов о русском Харбине. Рассмотрены оппозиции свой / чужой, прошлое / настоящее, культура / природа, вечное / обречённое, на основе которых формируется эмигрантский миф. Показано, что мифологема возвращения прошлого является семантическим ядром харбинского мифа.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, поэзия дальневосточной эмиграции, петербургская мифология, харбинский миф, эмигрантский миф, оппозиции прошлое / настоящее, культура / природа, мотив памяти, мифологема возвращения.

L. Cui

Saint Petersburg State University

THE MYTH OF HARBIN IN THE POETRY OF RUSSIAN FAR EASTERN EMIGRATION of THE 1920S-1940S.

The article is devoted to the Harbin myth as a cultural text in the poetry of the far Eastern Russian emigration of the 1920s-1940s. The works of such little-studied poets like A. Nesmelov (I. A. Mitropolsky), N. Svetlov (N. Svin'in), A. Barcau, A. Achair (Grysov), V. Pereleshin and others is considered. In the process of the analysis the role of the St. Petersburg myth as a meta-text in the views of emigrants about Russian Harbin is indicated. The author considers the oppositions "own-alien", "the past-the present", "culture – nature", "eternal – doomed", on the basis of which the emigrant myth is formed. It is shown that the mythologeme of "the return of the past" is the semantic core of the Harbin myth.

---

¹ Цуй Лу – аспирантка кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Key words: Russian literature abroad, the myth of Harbin, poetry of Far Eastern emigration, the Petersburg mythology, the Harbin myth, emigrant myth, the oppositions "the past – the present", "culture – nature", the motive of memory, the mythologeme of "return".

Являясь крупнейшим очагом русской культуры на Дальнем Востоке, Харбин предоставлял русским эмигрантам богатые возможности взаимодействия с потерянной родиной, что выделяет его на фоне других городов Китая и определяет особую роль в художественной картине мира русских беженцев. В центре нашего внимания в данном исследовании будет феномен «харбинского текста» как мифа, который «вплетен» в общую ткань эмигрантского мифа. Он обнаруживается в поэтических воплощениях образа Харбина. Анализ харбинского мифа важен не только для понимания особенностей мышления дальневосточной эмиграции, но и для выявления специфики русской поэзии, возникшей в иноязычной культуре Китая в сложный и переломный период отчуждения от России. Феномен харбинского мифа анализируется в работах А.А. Забияко. Однако, по ее замечанию, главной составляющей данного мифа являются личные мифологии дальневосточных эмигрантов [Забияко, 2007, с. 54-83]. По мнению А.А. Забияко, мифологическая интерпретация культуры харбинской эмиграции неизбежна и исторически обусловлена: «Мифологизм историко-культурной ситуации порождает мифологические интерпретации в ее исследовании» [Забияко, 2004, с. 46]. Харбинский миф в поэзии дальневосточной эмиграции, рассмотренный в аспекте эмигрантского мифа, ещё не охарактеризован в полной мере, чем обусловлена актуальность нашей работы. Мы попытаемся на основе анализа стихотворений русских беженцев и исторических материалов рассмотреть харбинский миф как семантическое ядро эмигрантских текстов города Харбина.

Эмигрантский миф понимается нами как система конструирования художественной картины мира в переходную эпоху. Для русских беженцев он становится способом понимания собственной судьбы и дает возможность создать модель восприятия истории как мифа. Рассматривая связь харбинского мифа с традициями, современные исследователи считают, что космогонические мифологемы *космоса*, *хаоса*, *возвращения*, которые порождаются кризисом и наполняются конкретным культурно-историческим содержанием, являются основными структурными элементами эмигрантского мифа [Млечко, 2016, с. 174]. Культурный кризис в сознании эмиграции усиливается ностальгией и чувством

пустоты, испытываемыми в трагической ситуации изгнания. В такой экзистенциальной ситуации сформировалась необходимость осмыслить значимость бытия человека на чужбине и особенности его духовного мира. Поэтому в мировосприятии эмигрантов сливались воедино желание воссоздать прошлое и стремление обрести нравственную опору в «чужом» пространстве. Русский Харбин становится для поэтов дальневосточного зарубежья воплощением утраченной родины и воспроизводится в их творчестве как некий *космос* по сравнению с *хаосом* послереволюционной жизни в России.

Отмечая характерные закономерности, присущие эмигрантскому сообществу в целом, О.Р. Демидова считает, что в результате взаимодействия «русскости» и «иностранности» в каждой стране рассеяния складывается свой стиль эмигрантского поведения и определённая система представлений [Демидова, 2003, с. 87]. Можно утверждать, что миф о русском Харбине был сконцентрирован именно на сохранении идентичности русских в окружении чужой культуры. Его формированию способствовало своеобразие русского Харбина, которое стало явным ещё до первой волны эмиграции. Здесь существовали основания для дальнейшего развития русской культурной и общественной жизни, а русский язык использовался как средство общения.

Причиной формирования особой атмосферы «русского» Харбина было строительство железной дороги, которая обеспечивала перспективное развитие и рост народонаселения региона. Были созданы институты русской административной системы: полиция, суд, больницы, театр, церкви, школы. Поэтому эмигрантам-харбинцам удалось сохранить традиционный русский уклад дореволюционной жизни. Вс. Иванов писал: «И в Харбине, в Китае, люди тоже начинают устраиваться кто как может, всерьёз и надолго, обживаютя, – благо условия жизни в Китае исключительно благоприятны... Китайские власти не вмешиваются ни в какие русские дела <...> Книжки выходят без всякой цензуры так легко, что просто удивительно, и даже стоит рассказать об этом» [Иванов, 2005, с. 19]. Именно доброжелательным отношением китайской власти к беженцам из России были обусловлены главные достоинства Харбина – свобода и терпимость, которые стали восприниматься как утопические элементы харбинского мифа. Если изгнание рассматривается русскими эмигрантами как избранничество, которое имеет благую цель – «вечное возвращение», то именно Харбин связывает личные судьбы дальневосточных эмигрантов с духовными традициями России.

Рассмотрение эмигрантского мифа в Харбине тесно связано с трактовкой мифологии, присущей данному культурному пространству. В этом отношении для нас важна методология, предложенная при анализе петербургского мифа В.Н. Топоровым [Топоров, 2003] и Ю.М. Лотманом [Лотман, 1992], которые в рамках семиотического подхода рассматривали город как мифогенный механизм текстопорождения. Харбинский миф в данном случае может быть охарактеризован как некое единство взаимосвязанных элементов, комплекс мотивов, образов и мифологем, существующий как текст культуры.

Обратимся к истории появления Харбина, определяющей важнейшие черты городского текста. Как известно, он был создан в 1898 году в связи со строительством КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги), соединившей российскую Европу с Азией¹. Л. Кравченко говорит о начале и судьбе города: «...По ближайшему населённому пункту – Хао-бин – в просторечии и в казённых бумагах место базы Управления начинают называть ХАРБИН, с русским искажением первоначального слова. И “старый” Харбин, когда слово, обладавшее, видимо, неким глубинным звучанием, вросло в почву, подчинил себе, захватив всю территорию города у большой реки» [Кравченко, 1991, с. 44]. Эти слова как раз подтверждают относительно краткую историю Харбина и связанную с его основанием идею искусственности. Процесс мифологизации, по замечанию Ю.М. Лотмана, осуществляется в двух типах городов – концентрическом и эксцентрическом, и Харбин как город, созданный «вдруг», за короткое время, расположенный на берегу реки и на границе двух культур, принадлежит к эксцентрическому типу города. Именно в отсутствии длительной истории, во «внезапности» возникновения ученый видел причину мифогенности этого типа города: «Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной» [Лотман, 1992, с. 14].

Свойственные эксцентрическому городу предсказание гибели и идея обречённости сопутствовали развитию Харбина. Они устойчиво

---

¹ Вопросы о прошлом Харбина, а именно история его возникновения и этимология топонима, понимаются неоднозначно. К настоящему времени в учёных кругах Китая преобладает точка зрения, что *Харбин* – слово маньчжурское, означает ‘узкий остров’ (кит. 扁島). Китайский исследователь Цзи отметил, что это слово упоминалось в официальном документе ещё в 1864 году. См. об этом: [Цзи, 1993, с. 126-131].

вошли в мифологию города и в сознание проживающих в нем эмигрантов. Мотивы творения и обречённости, экзистенциальные для поэтов-эмигрантов, пронизывают их «харбинский текст» как метафизические коды города. Сосуществование двух мотивов обусловлено идеей «искусственности» города и определяет константные оппозиции жизнь / смерть, бытие / небытие, космос / хаос, на которых основывается харбинский миф. О противоречии, свойственном городскому тексту Харбина, напоминает русским беженцам особенная планировка города. К примеру, здание Чурина¹ было построено рядом со Старым кладбищем, и в Харбине вместо слова *умер* говорили *унесли за Чурина*. В соседстве двух противоположных локусов А. Несмелов (1889-1945) видел амбивалентность эмигрантского бытия на Дальнем Востоке: «*Об этом лишь молчат / Огни и алого, и голубого*» («Старое кладбище») [Несмелов, 1943]. Поэт метафорически рассказывал о «гордости и печалях» русского Харбина.

Оппозиция «природы и культуры» / «естественности и искусственности» оказывается устойчивой в поэзии дальневосточной диаспоры. Например, в стихотворениях «Харбинская Весна» и «Бегство» А. Паркау (1889-1954), «Сунгари» А. Ачаира (1896-1960), «Мне часто кажется, что это – сон» Е. Недельской (1912-1980) и др. запечатлены реальные образы тогдашнего Харбина – Чурин, Хорват², Харбинский кафедральный Николаевский собор и др. Они в сознании эмигрантов воплощают расцвет русской культуры на Дальнем Востоке, свидетельствуют о том, что «*...русский человек / Везде силен, куда б его ни слали!*» («Старое кладбище») [Несмелов, 1943]. Противоположность образам культуры в поэзии эмигрантов составляет семантический ряд, соотносимый с мифологемами *хаоса*, например, *пыльный, ветренный, песок, наводнение*, характеризующими суровую природу этого города.

Яркий пример этого в стихотворении «Стихи о Харбине» А. Несмелова, который обычно стремился соотнести бытие дальневосточной диаспоры с городским текстом Харбина. Поэт изображает историческую сцену выбора места для города:

Флаг Российский. Коновязи.

---

¹ Чурин – универсальный магазин в Харбине, расположенный на углу Большого проспекта. Он до сих пор существует в Харбине, в нём по-прежнему продаются продукты, изготовленные по старинным русским рецептам.

² Хорват – Дмитрий Леонидович Хорват (1858-1937), управляющий КВЖД (1903-1918). Время его управления на КВЖД харбинцы называли «Счастливой Хорватией».

Говор казаков.
 Нет с былым и робкой связи –
 Русский рок таков.
 Инженер. Расстѣгнут ворот.

Фляга. Карабин.
 «Здесь построим русский город,
 Назовѣм – Харбин». <...>
 Перед днѣм Российской встряски,
 Через двести лет,
 Не Петровской ли закваски
 Запоздалый след?
 Не державное ли слово
 Сквозь века: приказ.
 Новый город зачат снова,
 Но в последний раз [Несмелов, 1990, с. 117].

На основе смешения реальности и вымысла поэтом воссоздан миф о выдающихся русских строителях и представлен образ цветущего Харбина, который *рукой русской* был построен в *пустыне*. Город воспринимается как олицетворение победы русской силы над природным хаосом, царящим на чужбине. С другой стороны, отмеченное поэтом русское происхождение восточного города включает аналогию «Харбин – новый Петербург», созданный *в последний раз*. Тем самым автор отсылал читателя к петербургскому эсхатологическому мифу, чтобы подчеркнуть повторяемость трагедии русских городов, которые выходят за рамки географии в некое условное метафизическое пространство их существования. Образ *нового* Харбина, города возрожденного и одновременно обреченного на гибель, стал отражением экзистенциального сознания эмигранта, переживающего страх и отчаяние в связи с разрушением большевиками традиционной русской культуры. Таким образом, в стихотворении отражен процесс переживания заново рожденного Харбина, который в сознании русского поэта предстает как движение от *хаоса* к *космосу*, а затем опять к *хаосу*.

В восприятии русских поэтов Харбин как окультуренное пространство часто наделяется чертами непрочности и призрачности, связанными с особенностями климата и символизирующими кризисное понимание эмигрантской жизни. В данном случае поэзия, в которой дальневосточные беженцы в основном проявляли себя, мыслится ими как залог возрождения России. Показательно стихотворение «Эпитафия» А. Несмелова, вызывающее ассоциации с пушкинским «Медным всадником»:

Но хищно желтоводная река
 Кусает берег, дни жестоко числит,

И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.
И через столько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
И только память обо всём об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом [Несмелов, 1990, с. 162].

В понимании харбинского мифа роль интерпретирующего кода играет мотив борьбы культуры и природы. При этом пушкинский текст становится архетипическим для художественного сознания многих русских эмигрантов. Заметим, что отсылка к петербургскому мифу – не ситуативная, а константная. Это прежде всего объясняется тем, что свою систему ценностей русские беженцы перенесли в новую жизнь, однако средоточием и мерилom духовного бытия и культурных традиций для них по-прежнему оставалась дореволюционная Россия. Она продолжила своё существование в памяти русских эмигрантов, но была идеализирована. Русская классическая литература для дальневосточных поэтов была более значимой реальностью, чем современная Россия, превратившаяся в СССР. При этом статичный и осознанный локус России в сознании её «отверженных детей» приобретал узнаваемые черты Петербурга. В этом смысле петербургский миф часто рассматривается как протоформа нового мифа. Именно в таком ключе о петербургском мифе как онтологической модели мифопоэтического бытия пишет С.Д. Титаренко [Титаренко 2009, с. 105-113].

Сходство городов на Сунгари и на Неве постоянно подчеркивается харбинскими поэтами. Географическое и чисто внешнее подобие способствуют иллюзиям «жизни у себя дома» и «жизни в прошлом», порождаемым при переживании Харбина 1920-х годов. Мифопоэтическое восприятие этого восточного города как Петербурга отразилось в его топонимике и архитектуре. Харбинцы именовали город, приютивший русских эмигрантов, «восточным Петербургом». Улицы и здания города носили названия, соотносимые с петербургскими реалиями, – Большой проспект, Садовая улица, Первая линия, Вторая линия и т. п.

Таким образом, относительно закрытый Харбин вписался в парадигмы новых мифологем сознания: оазиса / острова. Для русских эмигрантов это пространство отделено от современной суеты, в нем время переходит в вечность. Чертой вневременности во многом обусловлен мифогенный потенциал культурного пространства Харбина. В сознании дальневосточных беженцев формировался миф о Харбине как «последнем оазисе» русской культуры, о которой «новая

Россия знает только понаслышке» [Шмидт, 1935, с. 11]. Как утверждал знаменитый политический деятель Н.В. Устрялов, «Харбин производит впечатление совсем патриархальное. Даже не дореволюционный, а прямо довоенный стиль жизни. Что-то совсем старомодное – словно “страна воспоминаний” из “Синей птицы”» [Устрялов, 2005, с. 25-26].

Под воздействием представлений о закрытости Харбина и его сходстве с дореволюционной Россией актуализируется оппозиция прошлого и настоящего в мифотворчестве и мировосприятии эмигрантов. В их поэзии идеализированное прошлое проступает через «чужое» настоящее, благодаря актуализации мотива памяти. Н. Светлов (1908 – начало 1970-х) пишет о жизни в эмиграции на Востоке:

Сердцу холодно. И, согреваясь,
Сердце сказку тёплую творит:
Предо мною улица кривая
Принимает петербургский вид.
И в тумане улицы – виденья:
Пушкин, Достоевский, Гоголь, Блок,
Чьи неумирающие тени –
Всей былой России эпилог («За рубежом»)
[Светлов, 1931].

Художественная картина мира эмигрантов была основана на взаимосвязи прошлого и настоящего, а настоящее Харбина воплощало многие черты прошлого. Лирический образ Харбина в поэзии эмигрантов как будто «растворён» в «русском тексте»: он становится фоном для развёртывания типично русских тем и зачастую сливается с образом России, Петербурга. Любопытно заметить, что многие харбинские поэты, особенно приехавшие из Сибири, никогда не бывали в столице дореволюционной России. Во времена потрясений вдалеке от родины поэты-эмигранты пытались мыслить мифологическими аналогиями или основывались на мотивах и образах петербургского мифа, созданного в русской литературе, связывая его в воображении с Харбином.

Вневременностью, свойственной культурному пространству «города на краю», определяется запоздалое осознание русскими эмигрантами особенностей их реальной харбинской жизни. Образ Харбина оживляется лишь в их мемуарах и стихах, написанных уже после отъезда из этого города: «Харбин – особенный город. Это сочетание провинциального уюта с культурными возможностями я оценила позднее, когда из него уехала» [Андерсен, 2006, с. 252]. Память о родине, важная для самоидентификации русских беженцев,

сказалась на их представлении о стране и городе проживания. Соответственно образ Харбина, из которого были вынуждены уезжать дальневосточные поэты, превращался в их поэзии в город сновидений, райский уголок, где поэты-эмигранты нашли воплощение не столько Петербурга или Москвы, сколько утраченной родины в целом.

Для дальневосточных эмигрантов обращение к прошлому, возведенному в статус идеала, стало поведенческим принципом. Мифопоэтическое восприятие Харбина как прошлой России выходит за рамки художественного произведения в реальность и быт дальневосточной диаспоры. Г.П. Козубовская характеризует такое явление как миф, ставший принципом бытия. По ее замечанию, «миф, вырастающий из этической программы художника и реализующийся как поведенческий принцип, становится своеобразной формой “самостоянья человека”». Так, принцип бытия реализует концепцию мифа как игры» [Козубовская, 2011, с. 6].

Пафос воссоздания прошлого состоял в постоянных обращениях дальневосточной диаспоры к мифу, не просто скрытому под обыденностью их жизни, а тесно переплетённому с нею. Эсхатологический миф Харбина в сознании русских беженцев был реализован в идее создания восточного города на реке по модели дореволюционного Петербурга. Вспомним, что в начале XX века Харбину угрожало наводнение, которое стало одним из главных мотивов «харбинского текста». В статье «Петербург виноват, что затопило Харбин», опубликованной в газете «Рупор», подчёркивается, что водная стихия города неотделима от петербургской мифологии. Исторический спор о выборе места основания Харбина, как пишет автор статьи, «в конце концов разрешил всемогущий Петербург, распорядившийся строить город у реки, с тем, чтобы он был пристанью» [Невский, 1931].

О стремлении эмигрантов навязать городу, их приютившему, коды прошлой культуры, в частности, «петербургского текста», говорил также В.С. Логинов. Он воспринимал «Зару», главную газету Харбина в 1920-е годы, как «счастливое дитя петербургской “Биржевки”, похожее на свою мамашу как две капли воды». Эмигрант иронизировал: «Нахлынули беженцы, припёрли сюда целый Санкт-Петербург со всеми его привычками и слабостями» [Логинов, 1929].

Ориентация на прошлое воплощена в мотивах и принципах организации харбинских творческих объединений и союзов, созданных в 1920-е годы. Цель данных объединений заключалась не в стремлении сказать «новое слово» в литературе, а в жажде приобщиться к русской культуре и в патриотической устремленности

«открыть окно» в Россию с Востока. При этом в Харбине поэты старшего поколения писали, опираясь на воспоминания, а «младшие» эмигранты продолжали творить «вне времени и пространства», будучи воспитанными в убеждении, что им выпала высокая миссия сохранения русской культуры и духовности.

Особенно показательна в этом отношении деятельность важнейшего в Харбине литературного кружка «Чураевка», члены которого проповедовали принцип «самоизоляции». «Чураевка» ассоциируется поэтами-эмигрантами с мифологемой острова. Название кружка восходит к фамилии героев эпопеи «Братья Чураевы» Г.Д. Гребенщикова (1882-1964), а та, в свою очередь, – к народной русской идиоме «чур меня» (в значении ‘не касайся меня, не тронь’). Более того, в деятельности героев произведения – первых русских поселенцев в Сибири – поэты видели параллель с собственной жизнью и своим предназначением – открытием и освоением острова на Дальнем Востоке. Члены «Чураевки» заявили о своей самобытности, которая состояла в преодолении увлечения «дикарскими приманками» в словесности и продолжении пушкинско-блоковской традиции. «Мы, наверно, ничего нового не скажем, новую школу создать не берёмся», – так писал В. Перелешин в передовице «Чураевки» [Перелешин, 1934].

Для поэтов дальневосточного зарубежья были не свойственны авангардные искания, присущие поэтам Серебряного века. Поэтому стремление харбинцев сконцентрироваться на традициях русской литературы XIX века, близких, например, акмеистам, создает у читателей представление о поэзии русского Харбина как образце вполне традиционной поэзии.

Осознанное желание эмигрантов установить связь с прошлым привело их в экзистенциальный тупик. Неизбежный трагизм их творчества был заложен в идее «искусственности» городского текста Харбина. Преобладание привычных «русских» культурных кодов в пространстве реального дальневосточного города приводило к игнорированию эмигрантами как своего настоящего и будущего, так и неосвоенного ими «чужого» мира. Это в какой-то степени предопределило обречённость эмигрантского бытия в Харбине. С 1930-х годов в среде эмигрантов стало распространяться представление о Харбине как о городе, который суждено покинуть. Оккупация Японией Маньчжурии в 1931 году дала импульс исходу русских беженцев из Харбина в Шанхай. Для них бывший Харбин, которого нет и никогда не будет, «уже стал легендой» [Крузенштерн-Петерец, 1994, с. 40]. Таким образом, это культурное пространство как

вневременный *космос* в конце концов превратилось в «задыхавшуюся страну», по выражению В. Перелешина [Перелешин, архив], или «затонувшую субмарину» (как писал А. Несмелов) [Несмелов, 1990, с. 174] и навечно осталось в прошлом.

Большое значение для культуры эмиграции имело непонимание большинством русских эмигрантов китайского языка, которое не позволяло им ассимилироваться в стране, их приютившей. Неслучайно поэтесса Н. Резникова признавалась: «...Китайская культура прошла почти мимо» [Резникова, 1988, с. 386]. Хотя Харбин как *русский* город на *Востоке*, разумеется, соединял в себе многокодовость «семантического полиглотизма», говоря словами Ю.М. Лотмана [Лотман, 1992, с. 10], и евразийские импульсы города определили сосуществование здесь различных культурных полей, восточная культурная реальность в поэзии харбинцев часто была представлена лишь как экзотический элемент, за исключением творчества некоторых лириков, понимавших китайский язык и культуру¹. Даже В. Перелешин, один из наиболее известных поэтов-синологов, заинтересовался китайской культурой уже в Пекине. Для дальневосточных поэтов Харбин существовал отдельно от понятий «Китай» или «Восток». Как ни парадоксально, именно массовый исход русских эмигрантов в Шанхай актуализировал их маргинальное сознание и заставил обратить внимание на связь между двумя культурами. В какой-то степени можно говорить о том, что в сознании харбинцев сохранение русскости было намного важнее идеи «всемирной отзывчивости», что и определило специфику харбинского мифа.

Жизнь и творчество дальневосточных эмигрантов разворачивались на основе представлений об изгнаннике как последнем хранителе и продолжателе русской культуры. К примеру, И.Н. Голенищев-Кутузов, эмигрировавший в Париж, считал преимуществом дальневосточной диаспоры то, что «они являются в Китае не беженским, случайным элементом, но пионерами русской культуры, завоевавшими ценой многих жертв и усилий определённое и весьма почётное положение» [Голенищев-Кутузов, 2006, с. 243]. Сходные мысли высказывал и известный певец А. Вертинский, посетивший Харбин во время гастролей: «Русские действительно являлись русскими, тогда как в Америке они больше американцы, чем

---

¹ Среди них можно назвать В. Марта, Ф. Камышнюка, Вс. Иванова, Я. Аракина и других поэтов, обращавшихся к переводам китайской поэзии и прозы.

русские, в Германии – немцы, во Франции – французы» [Мелихов, 1993, с. 90]. Поэтесса Л. Андерсен точно указала причину гибели русского Харбина в соотношении с оппозициями прошлого и настоящего, своего и чужого: «Это был незабываемый мирок, счастливое убежище от тревог о будущем. <...> Вероятно, из-за несоответствия нашего беспомощного положения и тех прекрасных горизонтов, что нам приоткрывались, но были недостижимы, мы становились чувствительны и легко ранимы, теряли равновесие» [Андерсен, 2006, с. 255].

Самобытностью и хрупкостью харбинского мифологического пространства обусловлены черты, которые приобретает поэзия дальневосточного зарубежья. О сочетании трагизма и светлой грусти в мировосприятии эмигрантов говорят знаменитые строчки поэта М. Шмейссера (1909-1986): «*Грустим по Северной Пальмире, / Но грусть о ней не так сильна / Когда с изгнанием горьким мирит / Русейший облик Харбина*» [Шмейссер, 1938]. Формула «грусть не так сильна» стала мифологемой мировосприятия и определяющим фактором эстетики русского Харбина. Благодаря этой формуле творческий посыл харбинской литературы столь значительно отличается от упадничества «незамеченного поколения» эмигрантов на Западе.

Итак, в становлении харбинского мифа петербургский миф выступает как онтологическая модель, позволяющая структурировать культурное пространство Харбина. Причем для эмигрантского большинства миф «неизменно служит универсальным инструментом выживания в новых экзистенциальных и культурных условиях» [Демидова, 2015, с. 77]. В этом отношении харбинский миф служит идентификации русскими эмигрантами себя в окружении чужой культуры. Кризисные мифологемы *космоса* и *хаоса*, связанные с опытом изгнания и психологическими травмами сознания дальневосточных эмигрантов, жестко соотносились с судьбой Харбина. Харбинский миф, раскрываемый посредством ключевых оппозиций культура / природа, прошлое / настоящее, своё / чужое, вечность / современность, пронизывает поэзию эмигрантов, а их творчество и литературный быт мифологизируются вместе с городом, приютившим русских изгнанников. Как нам кажется, различные варианты интерпретации русского Харбина изоморфны и образуют смысловую целостность как текст культуры. Благодаря этому в сознании поэтов-харбинцев концентрируется миф о воссоздании русской культуры в Китае и о возрождении в Харбине духа дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсен, Л. Н. Одна на мосту: стихотворения, воспоминания, письма / Л.Н. Андерсен. – Москва: Русский путь: Русское зарубежье, 2006. – 470 с.

Голенищев-Кутузов, М. Н. Русская литература на Дальнем Востоке / М.Н. Голенищев-Кутузов // От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет. – Москва, 2006. – С. 243-248.

Демидова, О. Р. Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья / О.Р. Демидова. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2003. – 296 с.

Демидова, О. Р. Эмиграция как проблема философии культуры / О. Р. Демидова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 77-80.

Иванов, Вс. Харбин. 20-е годы / Вс. Иванов // Русский Харбин. – Москва: Наука, 2005. – С. 19.

Забяко, А. А. Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. ... докт. филол. наук / А.А. Забяко – Москва, 2007. – 480 с.

Забяко А. А. Миф харбинского поэта (поэтический портрет Алексея Ачаира) / А.А. Забяко // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 3-4. – С. 46-58.

Козубовская, Г. П. Рубеж XIX-XX веков: миф и мифопоэтика: монография / Г.П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 318 с.

Кравченко, Л. П. Харбин изначальный / Л. П. Кравченко // Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи; сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – С. 39-61.

Крузенштерн-Петерец, Ю. В. У каждого человека есть своя родина / Ю.В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. Торонто. – 1994. – № 1. – С. 17-199.

Логинов, В. Харбин-пресса / В. Логинов // Гун Бао. газ. – 1929. – № 8. – 18 декабря.

Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. – Таллин: Александра, 1992. – С. 9 -22.

Мелихов, Г. В. «Родная свеча на чужих дорогах» (Гастроли А. Н. Вертинского в Китае) / Г.В. Мелихов // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. – № 6. – С. 89-97.

Млечко, А. В. Эмигрантский миф культуры русского зарубежья: генезис и мифологемы / А.В. Млечко, М.А. Балабанова //

Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 7. Философия. – 2016. – № 4 (34). – С. 171-175.

Невский, Д. Петербург виноват, что затопило Харбин / Д. Невский // Рупор. газ. – 1931. – № 228. – 31 августа.

Несмелов, А. Старое кладбище / А. Несмелов // Рубеж. – 1943. – № 32. – С. 6.

Несмелов, А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / А. Несмелов. – Москва: Моск. рабочий, 1990. – 462 с.

Перелешин, В. Восьмая годовщина Чураевки / В. Перелешин // Чураевка. газ. – 1934. – № 6. – Май.

Перелешин, В. Арсений Несмелов. К двадцать пятой годовщине гибели поэта / В. Перелешин // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 14. Ед. хр. 181.

Резникова, Н. В русском Харбине / Н. Резникова // Новый журнал. – 1988. – № 172-173. – С. 386.

Светлов, Н. За рубежом / Н. Светлов // Рубеж. – 1931. – № 3. – С. 3.

Титаренко, С. Д. Петербург и Москва в мифопоэтической картине мира Вяч. Иванова / С. Д. Титаренко // Серебряный век русской литературы. Петербургская филологическая школа. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 105-113.

Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. – 617 с.

Устрялов, Н. В. Иркутск-Харбин / Н. В. Устрялов // Русский Харбин. – Москва: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – С. 25-26.

Шмейссер, М. Грустим по Северной Пальмире... / М. Шмейссер // Рубеж. – 1938. – № 1. – С. 3.

Шмидт, М. Последний оазис «Рассейсаго» быта за рубежом / М. Шмидт // Рубеж. – 1935. – № 31. – С. 11.

Цзи, Ф. Х. Хаэрбинь димин юлай юй чэнши цзиюань (Происхождение названия Харбина и начало города). 纪凤辉. 哈尔滨地名由来与城市纪元 // Сюэ си юй тань со (Изучение и исследование). 学习与探索. – 1993. – № 2. – С. 126-131.